

DOI: 10.23681/500158

*О. А. Туфанова***ПРЕДВИДЕНИЯ ПРОТОПОПА ТЕРЕНТИЯ В КОНТЕКСТЕ  
СОЧИНЕНИЙ СОВРЕМЕННОКОВ О СМУТНОМ ВРЕМЕНИ**

*Аннотация:* В статье дается краткий обзор жизни и литературного творчества протоиерея Благовещенского собора Московского Кремля Терентия. Сопоставление идей, изложенных в трех дошедших до нас текстах протопопа Терентия, получивших неоднозначную исследовательскую оценку, с сочинениями современников о Смутном времени приводит к выводу: протопоп Терентий не был ни испуганным просителем, ни конъюнктурщиком, он был одним из талантливых писателей и деятелей эпохи Смутного времени, предугадавшим не только трагический исход жизни Лжедмитрия I, но и религиозно-символическую трактовку убийства Самозванца в русских источниках о Смутном времени. Явившись зачинателем новой сюжетной разновидности публицистических видений, протопоп, по сути, предугадал в эпоху «нестроений» еще не осознаваемые отчетливо в 1606 г. духовно-нравственные потребности народа в покаянии, очищении и мире как единственно возможный путь выхода из трагических обстоятельств эпохи.

*Ключевые слова:* протопоп Терентий, смерть Лжедмитрия I, покаянные видения, предвидения.

*О. А. Tufanova***FORESIGHTS OF PROTOPOPE TERENCE IN THE CONTEXT OF  
THE CONTEMPORARIES WORKS ON TIMES OF TROUBLES**

*Abstract:* The paper surveys life and literary activity of Terence, archpriest of Annunciation cathedral in Moscow Kremlin. Upon confronting ideas, developed in three surviving texts by protopope, which met mixed assessments of researchers – with the works of contemporaries on Times of troubles we can conclude: protopope Terence was neither frightened supplicant nor opportunist, but one of the gifted writers and figures of the Times of troubles that managed to foresee not only the fatal end of False Dmitry I, but also religious and symbolic interpretation of Impostor's killing in Russian sources on Times of troubles. Being an initiator of a new plot variation of publicist visions, as a matter of fact, protopope was able to foresee in the times of “commotions” spiritual and moral needs of the people in repentance,

purification and peace as the only way out of the tragic circumstances of the times yet to be realized in 1606.

*Keywords:* protopope Terence, death of False Dmitry I, penitential visions, foresights.

\* \* \*

Протопоп Терентий, занимавший пост протоиерея Благовещенского собора Московского Кремля и при Лжедмитрии I, и при Василии Шуйском [6, с. 18], вошел в историю русской литературы как автор трех дошедших до нас произведений, на основании которых, по определению И. Е. Забелина [8], его причисляли то к «кривым», то к «прямым».

Кем был в действительности талантливый автор начала XVII столетия протопоп Терентий: писатель-обличитель, испуганный проситель, конъюнктурщик или гениальный провидец?

Современная наука располагает весьма скудными биографическими сведениями о нем. Но уже один факт сохранения в истории его имени говорит о многом, поскольку почти все произведения, созданные непосредственно в эпоху Смуты (1598–1613), остались безымянными, в лучшем случае нам известно, что, например, написано то или иное произведение монахом Троице-Сергиева монастыря. Среди таких «безымянных» памятников эпохи – «Повесть 1606 г.», «Повесть како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов», «Новая повесть», «Повесть о видении мниху Варлааму в великом Новгороде», «Плач о пленении и о конечном разорении превысокаго и пресветлейшаго Московского государства» и т. д. Несколько особняком на этом фоне стоит «Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии», составленная патриархом Иовом, но она отличается от вышеназванных произведений и содержательно, и стилистически, поскольку «носит характер официозного “хвалословия”» [7, с. 28]. Объяснять этот факт исключительно средневековой литературной традицией умалчивания имени автора или относить на счет монашеской скромности вряд ли возможно. Другое дело, что почти все памятники Смутного времени (в данном случае имеется в виду период с 1598 г. по 1613 г., поскольку имена авторов ряда произведений, созданных в последующее десятилетие, известны, например, «Сказание» Авраамия Палицына, «Временник» Ивана Тимофеева и др.) преследуют ту или иную агитационную цель, в них довольно ярко выражены политические пристрастия авторов; бесконечная же смена правителей, означающая для многих, особенно приближенных, и смену вектора оценки их деятельно-

сти, могла обернуться гонениями и смертью. Поэтому подпись имени под тем или иным публицистическим сочинением означала, что автор должен был обладать известной смелостью и быть готовым к суровым жизненным испытаниям. Таковой смелостью обладали патриархи Иов, Игнатий, Гермоген, Филарет Никитич, и среди них – протопоп Терентий.

Положение главы домового храма русских царей и цариц, казалось бы, должно было способствовать сохранению значительных биографических сведений о нем, но все они ограничиваются, что неоднократно отмечалось исследователями [6, с. 18; 27, с. 185], исключительно скудными фактами, которые протопоп Терентий сообщил о своей жизни в трех дошедших до нас произведениях, кроме одного, известного благодаря указу Сигизмунда III от 30 ноября 1610 г., согласно которому «велено протопопу Терентию быти по прежнему у Благовещенья, а Благовещенскому протопопу велено быти у Спаса на Дворце» [1, с. 389]. Вопрос же, когда протопоп Терентий был смещен с должности протоиерея Благовещенского собора и сколько раз, относится к разряду спорных.

Так, по мнению Г. П. Енина, это событие произошло после 1606 г. [6, с. 18]. В. Ульяновский предполагает, что опала постигла протопопа Терентия дважды. Первый раз – «не позже конца ноября 1605 г., когда Лжедмитрий I начал осыпать милостями владимирский Рождественский монастырь, архимандрит которого Исая стал его духовником» [27, с. 206], т. е. фактически после подачи царю первого из известных на сегодняшний момент произведений протопопа Терентия – «Лета 7114 году послание благовернейшему и вышнему царю и богохранимому государю великому князю Димитрию Ивановичю всея Россия иже восвященницех наипменьий грубый Терентие метание еже о Господе смиренне творю», если принять в качестве даты создания памятника июнь – ноябрь 1605 г. [27, с. 186]<sup>1</sup>. К этой мысли

---

<sup>1</sup> Г. П. Енин называет иную дату создания послания «Лета 7114 году...» – конец 1605 или начало 1606 г. [6, с. 19], что представляется ошибочным, поскольку именно в ноябре 1605 г. у Самозванца появляется новый духовник – архимандрит Исая, что, с одной стороны, подтверждает факт временного возобновления традиции назначения царского духовника из благовещенских протопопов, идущей со времени правления великого князя Василия III, прерванной Борисом Годуновым, а с другой – свидетельствует о возможном удалении с поста протоиерея Благовещенского собора протопопа Терентия на время правления Лжедмитрия I.

подводит и вторая челобитная Терентия на имя Лжедмитрия I, которая была опубликована в «Актах, собранных в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук» [2, с. 383–385, № 224], в 1836 г. как приветственное слово протопопа вступившему в Москву Самозванцу. И соответственно «витиеватая речь» воспринималась долгое время как первое произведение протопопа Терентия, в котором оратор «умолял царя о помиловании народа, по неведению преступившего клятву», и не раз упоминал «о людях, которые хотят поссорить царя с его народами...» [25, с. 427].

Однако это ошибочное мнение было опровергнуто С. Ф. Платоновым в работе «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник» [20, с. 58], убедительно доказавшим, что челобитная тесно связана с первым посланием и является попыткой протопопа оправдаться, испросить милости, что подтверждают и Г. П. Енин, и В. Ульяновский. Следовательно, подана она была царю в конце ноября 1605 – начале 1606 гг.

Что произошло дальше – неизвестно. В. Ульяновский утверждает, что «челобитная не принесла желаемого прощения и снятия опалы. Протопоп был удален от двора, с должности царского духовника и из Благовещенского собора» [27, с. 206], однако никаких данных, свидетельствующих о правоте своего предположения, исследователь не приводит, кроме одного, весьма косвенного, – он упоминает царскую жалованную грамоту причту Благовещенского собора – протопопу Терентию «с братией» – от 26 июля 1606 г., на основании которой делает заключение о последовавшем восстановлении Терентия в качестве настоятеля Благовещенского собора в правление Василия Шуйского. Однако, на наш взгляд, утверждать однозначно, был ли смещен протопоп Терентий Лжедмитрием I с занимаемой должности или только удален от двора, какой именно опале он был подвергнут, на основе столь скудных исторических данных не приходится. Вместе с тем эта же самая грамота является неопровержимым свидетельством того, что как минимум с июля 1606 г. Терентий вновь оказывается настоятелем Благовещенского собора (если он вообще смещался с этой должности) и, более того, находится среди приближенных к царю Василию Шуйскому и патриарху Гермогену. Второе, и пожалуй главное, свидетельство пребывания Терентия на посту протоиерея Благовещенского собора осенью 1606 г. содержится в третьем из дошедших до нас сочинений прото-

попа – «Повести о видении мужу духовну». В ней прямо названо имя записавшего видение от тайнозрителя, а также содержится указание на факт близости к царю и патриарху: «Нѣкоторому мужу духовну явися таково видѣніе во снѣ, и той мужъ то видѣніе сказавъ Благовѣщенскому протопопу Терентью. И то писмо Терентей писалъ у нево, и то писмо написаль, да отдалъ патриарху, да и царю сказываль»<sup>1</sup> [17, стб. 177]. Как и в случае с первым сочинением, «Повесть» не осталась без внимания царя. Но если Ажедмитрий I подверг после получения послания «Лета 7114 году...» протопопа Терентия опале, то Василий Шуйский временно принял прямо противоположное решение: по велению царя «Повесть» была прочитана публично в Успенском (по одному из списков – в Успенском и Благовещенском) соборе 14 октября 1606 г., а с 14 по 19 октября 1606 г. был установлен всенародный пост.

Однако положение Терентия как царского духовника оказалось весьма непрочным. Он снова был смещен с должности протоиерея Благовещенского собора, вероятно в 1607 или самом начале 1608 г., поскольку на свадьбе царя с М. П. Буйносовой-Ростовской 17 января 1608 г. присутствовал уже протопоп Кондратий. Ни причин, ни точных дат этого события пока не удалось обнаружить. Существует только «рабочая» версия В. Ульяновского, согласно которой «Терентий в одном важном моменте (в тексте «Повести». – О.Т.) пошел вразрез с официальной линией. Имеется в виду отсутствие адресного осуждения в тексте Терентия – неназывание имени Ажедмитрия I. Грамоты царя Василия Ивановича были наполнены убийственными характеристиками расстриги, но в «Повести» всего этого нет. Терентий сознательно не включился в злободневную акцию всеобщего порицания исключительно одного Самозванца. Возможно, это вторично и погубило его карьеру» [27, с. 210].

Как складывалась далее судьба протопопа Терентия – неизвестно вплоть до конца ноября 1610 г., когда вышел указ Сигизмунда III, восстанавливавший Терентия в должности протоиерея Благовещенского собора и подтверждающий опальное положение протопопа в правление Василия Шуйского по крайней мере точно с 1608 г. Однако и дальнейшая судьба Терентия окутана тайной, поскольку упомянутый указ – это последнее официальное свидетельство о жизни благовещенского настоятеля

<sup>1</sup> Здесь и далее текст «Повести о видении мужу духовну» цит. по: [17].

из обнаруженных на сегодня реальных фактов. Как долго на этот раз занимал протопоп Терентий должность настоятеля – вопрос открытый, но уже в феврале 1613 г. в качестве протоиерея упоминается Иоанн, принимавший участие в избрании на царство Михаила Федоровича Романова [29], как, впрочем, открытым остается и вопрос дальнейшей личной судьбы талантливого писателя начала XVII столетия.

Итак, если вопрос личной непростой судьбы протопопы Терентия, исполненной «взлетов» и «падений», довольно типичных для многих церковных деятелей эпохи Смуты, остается во многом нерешенным, то его литературный облик вполне может быть восстановлен благодаря трем очень разным по своей тематике и характеру произведениям.

В 1605 г. в непростой для русского общества, потрясенного «странными» забавами и склонностями венчанного 21 июля на царство Лжедмитрия I, во всем следовавшего иноземным обычаям, открыто презиравшего законы нравственности и смеявшегося над «суеверием набожных россиян» [10, с. 407–416; 25, с. 432–435], ситуации протопоп Терентий пишет свое первое послание царю «Лета 7114 году...», в котором, апеллируя сначала к имени авторитетного для царя древнегреческого философа Платона, а затем опираясь на теологическую идею «Третьего Рима» старца Елеазарова монастыря Филофея, последовательно развивает идею главенства «священства» над «царством», указывая отдельно на необходимость соблюдать «учение и наказание святых апостол и святых отец о многоразличных чинех святыя церкви» (цит. по: [27, с. 199]), тем самым в слабо завуалированной форме упрекая царя «в низведении с патриаршей кафедры Иова, незаконном поставлении патриархом Игнатия» [9, с. 44].

На первый взгляд упрек, брошенный протопопом Терентием Лжедмитрию I в избрании патриарха минуя собор русских святителей, стоит в одном ряду с аналогичными, читаемыми и в так называемом «Ином сказании», и во «Временнике» Ивана Тимофеева, и в «Сказании о Гришке Отрепьеве» и т. д. Но все эти произведения были созданы уже после смерти «неправого» царя, а протопоп Терентий почти открыто бросает ему обвинение, словно продолжая дело патриарха Иова, по приказу которого во всех русских церквях проклинали самозванца Гришку Отрепьева и всех «хотящихъ озлобити церкви Божіи, и государевыхъ измѣнниковъ, которые Государю измѣнили, а тому вору и богоотступнику послѣдствуютъ и именуютъ его Княземъ Дмитріемъ, и

впередъ кто учнетъ на то прелщатися и ему вѣрити и Государю похочеть измѣнити, соборнѣ и всенароднѣ прокляли и впередъ проклинати велѣли, да будутъ они вси прокляты въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ»<sup>1</sup>.

В послании Терентия наблюдается сложное переплетение двух семантических рядов. Один ряд (тот, что лежит на поверхности и отчасти был обозначен в заглавии – «метание о Господе») представляет собой прямое поучение, как должен вести себя царь – наследник многовековых традиций русского двора. Начиная с элементарных требований соблюдать хотя бы внешнюю обрядовую сторону русской православной традиции, Терентий, убеждая царя в необходимости следовать в своем каждодневном поведении глубинным, укоренившимся в русской культуре христианским нормам и правилам жизни в миру, менторски поучает явно находящегося вне «русского контекста» Лжедмитрия I: «Подобает убо тебе царю сие держати со страхом Божиим, убоися Бога, давшего ти сия, не уповай на злато и богатство и славу: вся бо сия зде собрана и на земли зде остаются <...>. Вся убо твоя к Богу чистая вера, и любовь ко святым Божиим Церквам. Слыши и вонми о боголюбивыи и премудрыи царю и разсудив царский душеполезная и вечная избери, а тленная и мимо текущая мира сего нивчтоже царю полагаи, зане преходна суть, но едина добродетель и правда пребывает во веки» (цит. по: [27, с. 198]).

Второй семантический ряд, будучи по сути оборотной стороной первого, – это неявно выраженное обличение царя, попирающего русские традиции церковно-религиозного благочестия и бытового уклада, пытающегося привить русскому обществу иную, чуждую по своему духу культуру.

Традиционные для жанра челобитной, умело использованные высокие положительные эпитеты, возвеличивающие и превозносящие царя, не смягчают жесткости обличения-поучения Терентия, позволяющего себе даже «предостерегающий намек на несчастную судьбу царственных гонителей православия: “святии мученицы и отцы много потрудишася и вседушно стаха противу нечестивых царей и мучителей”» [6, с. 22].

---

<sup>1</sup> 1605, января 14. Грамота патриарха Иова в Сольвычегодский Введенский монастырь, о ежедневном молебствовании, по случаю войны Царя Бориса Феодоровича с Гришкою Отрепьевым, и о проклятии Самозванца со всеми его сообщниками. См.: [2, с. 80–81, № 28].

\* \* \*

### *Предвидение первое – «злая» смерть Лжедмитрия I*

17 мая 1606 г. во время восстания москвичей, организованного боярами во главе с В. И. Шуйским против поляков, прибывших на свадьбу Самозванца с Мариной Мнишек, Лжедмитрий I был убит.

Мало кто из русских и иностранных авторов, писавших о событиях Смутного времени, обошел вниманием этот факт. Рассказы о смерти Лжедмитрия I заметно отличаются друг от друга, с точки зрения полноты, точности, детализации, стиля повествования. Но во всех сочинениях первой трети XVII столетия, так или иначе затрагивавших эту тему, звучит практически одна и та же оценка события – «жестокая», «страшная», «злая», «срамная» смерть.

В большинстве источников читается весьма лаконичное упоминание о смерти Дмитрия Самозванца, напоминающее по форме погодные записи «Повести временных лет», но содержащее емкие авторские эмоционально-оценочные характеристики. Так, Жак Маржерет в своем отчете королю Франции писал: «Наконец, 27 мая... В 6 утра царь Дмитрий Иванович был бесчеловечно умерщвлен...» [23, с. 62] (выделено нами. – О. Т.). Столь же краток рассказ о смерти Лжедмитрия I в «Плаче о пленении и конечном разорении Московского государства»: «И душа его (Лжедмитрия I. – О. Т.) злѣ исторгнуса от него, и срамную смертью от рукъ правовѣрныхъ скончася» [18, с. 138].

Рассказ С. И. Шаховского о гибели Самозванца в «Летописной книге» отличается от предыдущих примеров большее количество деталей. Упоминается множество вооруженного народа, напавшего на дом царя, используется прямая речь, мотивирующая поведение людей, кратко описываются надругательства над трупом убиенного. Наконец, убийство Лжедмитрия I приурочивается к немаловажному для многих русских и иностранных источников событию – свадьбе Отрепьева с Мариной Мнишек [18, с. 380].

В Хронографе 1617 г. смерть Самозванца подается сквозь призму религиозных воззрений составителя: «Но возбранила ему всемогущаго бога непобѣдимая Христова сила и неистовое его стремление въскорѣ сокруши и изщезновениемъ возрази» [18, с. 332]. Упоминается возмутившееся множество народа с использованием широко распространенной метафоры: «возшумѣша многочисленнаго народа волны». Появляется деталь – орудие

убийства: «убиша его мечи». Акцентируется внимание на причине народного гнева: «разъярившись на мерзость его» [18, с. 332].

Арсений Елассонский в «Мемуарах о русской истории», очевидно не располагая подробностями убийства Лжедмитрия I, рассказывает о смерти последнего буквально в двух предложениях: «Через шесть дней бояре и весь синклит двора, устроивши совещание, предали сего царя Димитрия позорной смерти. Скинувши с него царские одежды, нагим тащили его вон из дворца по улице и бросили его нагого на площадь» [28, с. 183]. Здесь, как и в Хронографе 1617 г., содержится еще одна историческая подробность: вскользь упоминается заговор бояр против Самозванца. Но основное внимание архиепископ елассонский и димониканский Арсений уделяет все-таки не сцене убийства Лжедмитрия I, а насмехательствам народа над его трупом, хотя, справедливости ради, надо заметить, что и рассказ о манипуляциях с трупом Лжедмитрия выполнен архиепископом в той же лаконичной манере.

В ряде иностранных источников (в «Летописи Московския, с 1584 года по 1612» Мартина Бера [3, с. 79–85], в «Кратком известии о Московии» Исаака Массы [23, с. 211–216], в «Рукописи Яна Велевицкого» [24, стб. 175–184]) рассказы о смерти Лжедмитрия I напоминают картинки для «видеороликов». Одну из таких ярких «раскадровок» событий последних часов жизни Самозванца дает Петр Петрей, шведский дипломат, агент личной канцелярии герцога-правителя Карла IX, четыре года прослуживший в Москве (к. 1601 – к. 1605) в книге «История о великом княжестве Московском». Непосредственно сцена убийства Лжедмитрия I открывается описанием переодевания великого князя и рассказом о насмешках простого люда над ним. Обилие, по сравнению с единичными фразами отдельных участников происходящих событий, оскорбительных высказываний, звучавших из уст разгулявшейся черни, окружившей беспомощного Димитрия, создает эффект особого драматизма ситуации для Самозванца: один против толпы. Здесь же, в этой сцене, появляется и главный зачинщик мятежа, Василий Иванович Шуйский, отправившийся по просьбе Димитрия в монастырь к его матери узнать: действительно ли он сын Ивана Васильевича. Диалог Шуйского с «матерью» Димитрия остается за текстом, Петрей только констатирует: мать «решительно отрекалась» от него и «клялась торжественно», что ее сын был убит за несколько лет до этого в детском возрасте в Угличе. Ответ «матери», озвученный толпе Шуйским, решил его участь.

П. Петрей, склонный к подробной прорисовке особо драматических, диалоговых ситуаций, вводит в повествование фигуру некоего богатого (но безымянного!) купца, который, услышав ответ «матери» Димитрия, «тотчас же подбежал <...> с пистолетом в руке и вскричал: "Нечего долго толковать и ломаться с еретиком: я покончу с этим изменником и соблазнителем народа!" – и всадил ему пулю в сердце, так что он тут же и протянулся...» [16, с. 312]. Быстрота произошедшего подчеркивается «стремительностью» действий купца через глагольную лексику: «подбежал», «вскричал», «всадил». Состояние аффекта купца передалось и всем присутствующим: «...тут все подбежали к нему и кричали: "Распни, распни!", – "Не оставляй его живого!" Один рубил его по голове, другой по руке, третий колот его ножом, пятый по спине. Другие потащили его за ноги из комнаты на площадь, где лежал его верный слуга и камергер Басманов, говоря: "За жизни вы были добрыми друзьями и собеседниками, будьте же вместе и по смерти!"» [16, с. 312]. Удивительно ярко прописано в этой сцене стремление каждого из присутствующих приобщиться к убийству Ажедмитрия I, а также стремление нанести уже убитому «великому князю» как можно больше увечий, как будто простой люд старался убить Самозванца наверняка, чтобы не было возможно его новое воскрешение.

Иной тип подробного рассказа о смерти Димитрия Самозванца дают русские авторы. Как правило, в русских текстах смерть Ажедмитрия I подается сквозь призму религиозных воззрений авторов и составителей. Поэтому немаловажной в этом контексте оказывается причина «народного гнева». Так, например, составитель так называемого «Иного сказания» связывает смерть Самозванца с его намерением «всѣхъ православныхъ христіанъ побити» [17, стб. 56], а «радостный день Христова Воскресенія» «предложити въ день плачевный» [17, стб. 57]. Собственно говоря, именно это и стало причиной того, что Господь «обрати» «изостренный имъ мечъ на его выю и на единомышленниковъ его» [17, стб. 58].

Религиозная составляющая в трактовке и самого образа Самозванца, и его смерти предопределяет особенности повествования в русских текстах. Если иностранные авторы, в частности П. Петрей, стараются наполнить свое повествование конкретными историческими подробностями и дать развернутую картинку, чтобы можно было представить, как произошло то или иное событие, то русские авторы, в частности со-

ставитель «Иного сказания», отходят от конкретики описания произошедших событий, приводя минимальное количество подробностей.

Например, в тексте «Иного сказания» содержится весьма краткий рассказ о том, как произошло убийство Лжедмитрия I, но даже в этом лаконичном рассказе хорошо видна религиозная составляющая: «Въ десятый день послѣ своея женидбы, 114 году, мѣсяца мая въ 16 день, на *четвертой недѣли послѣ Христовы Пасцѣ* (выделено нами. – О. Т.), въ субботу, мечемъ и прочимъ убійствомъ, оружіемъ убіенъ бысть, всяко влекомъ бяше ись превысочайшихъ пресветлыхъ чертогъ своихъ по земли множайшихъ челоувѣкъ рукама, имѣже бѣ невозможно живаго и прямо лицу его зрѣти, не точію самому ему касатися» [17, стб. 58].

На фоне почти отсутствующих конкретных бытовых деталей в рассказе о смерти Самозванца особо заметно становится символическое истолкование произошедшего. Сама дата гибели Самозванца наделяется мистическим смыслом: составитель «Иного сказания» неоднократно подчеркивает в тексте, что все происшедшее с Димитрием – это следствие защиты Господом правоверных христиан, которых еретик хотел погубить. Поэтому день смерти Самозванца назван днем «излюбленным», а приписываемое составителем «Иного сказания» желание Самозванца «пребыти у древніе злобы, у мерзости запустѣнія, у возгордѣвшаго сатаны в нѣдрѣхъ» [17, стб. 58] реализуется в тексте через библейскую цитату «ровъ изрыи и ископай, впадется въ яму, юже содѣла» [17, стб. 58]. Замысливший сотворити «злая» «зломысленный волкъ» в итоге сам «со всякою нуждею злосмрадную свою душу изовну злосмраднаго своего тѣлеси испроверже» [17, стб. 58].

Аналогичный способ религиозно-символического истолкования (но не описания!) смерти Лжедмитрия I дается в «Сказании о Гришке Отрепьеве». Доминантное восприятие личности Самозванца как средоточия зла и здесь обуславливает особенности рассказа о его гибели. Одной из главных причин народного возмущения автор «Сказания...» называет «злой» умысел «злого» еретика погубить знатных бояр и вообще искоренить в русском государстве православную веру. Весь дальнейший рассказ о гибели Самозванца подается сквозь призму религиозных воззрений автора.

Собственно говоря, религиозно-символическая тема становится ведущей в этом повествовании. Так, Василий Иванович

Шуйский, согласно тексту, мотивировал свой призыв к народу свергнуть еретика, «богоотступника» (!) «радением» о вере христианской: «Мы убо готови въ сій часъ пострадати за святія Божія церкви и за православную истинную христіанскую вѣру...» [17, стб. 746]. Рассказ об убийстве Лжедмитрия I обрамляют в «Сказании...» пространные молитвы. Сначала народ московский «возопиша» «со слезами ко всемолютивому Спасу и со Пречистой Его Богоматери и ко всѣмъ Московскимъ чудотворцомъ» [17, стб. 747], прося о помощи в избавлении от «злаго законопреступника», от «поганые Литвы». Затем, по окончании задуманного, вновь все принимавшие участие в избииении Отрепьева и «Литвы» (бояре, и воеводы, и «все православное христіанство») по всем (!) «святымъ церквамъ» пали на землю и сотворили благодарственное молебное пение, воздавая хвалу «Спасу, и Пречистой, и Московским чудотворцомъ, и всѣмъ святымъ» [17, стб. 751–752].

Дата смерти Отрепьева дважды в тексте представлена числовым эквивалентом, и дважды автор «Сказания...» напоминает читателю, день памяти какого святого приходится на эту дату: «И свѣтающую утру ведряну маія въ 17 день, на память святаго отца нашего Андронника...» [17, стб. 747]; «Се же бысть побѣда и одолѣніе на враги ... маія въ 17 день, на память святаго отца нашего Андронника...» [17, стб. 750–751].

Рассказ о событиях 17 мая начинается с упоминания о молитве В. И. Шуйского и его брата в церкви св. Богородицы. Очень подробно далее в тексте перечисляются церкви, где ударили в колокола, какие сословия принимали участие в борьбе с «Литвой», как были одеты, чем вооружены, какими призывными возгласами обменивались (точнее, автор приводит только одну фразу-призыв, которая также носит сугубо религиозный характер: «Богъ намъ на помощь, и сила Пресвятыя Госпоже Богородицы помогай намъ!» [17, стб. 748–749]).

Непосредственно же картина убийства представлена фрагментарно, ее практически приходится собирать по отдельным, разбросанным в разных отрывках повествования фразам, которые будто затушеваны текстами молитв, рассказами о звоне колоколов, о призывах к православным христианам князя В. Шуйского и т. п. Но и собранная воедино сцена не имеет целостности. В одном фрагменте автор говорит, что православные воины с оружием и в доспехах «пойдоша во царскій дворъ къ Ростригѣ, и начаша его въ хоромахъ искати», «Онъ же окаянный нача утекати, бѣгати» [17, стб. 748]. В другом месте сказано, что благочестивые

князя Шуйские, бояре и «всѣ православные христїане съ великимъ воинствомъ изымающе злаго еретика Ростригу и убиша его въ полатѣ за дворцомъ» [17, стб. 750]. Как искали в царских палатах Самозванца, как он «бегал» от воинства православного, как произошло убийство «законопреступника» – об этом не сказано ни слова. Вряд ли это можно объяснять исключительно отсутствием действительных сведений о гибели Отрепьева у автора «Сказания». Скорее всего, для него важно было представить смерть еретика именно в символично-религиозном плане как наказание за содеянное. Не случайно, подводя итог лаконичному рассказу об убийстве Отрепьева, автор «Сказания...» пишет: «... тутъ испроверже окаанный еретикъ Гриша Рострига окаанную свою темную душу и злосмрадную, злѣ скончалъ и сниде во дно адово. И извлека его злосмрадный трупъ изъ града на площадь среди народу... и сожгоша въ его же умышлении, въ древяномъ адѣ» [17, стб. 750]. Таким образом, автор «Сказания о Гришке Отрепьеве», как и составитель «Иного сказания», рассматривает смерть Самозванца как естественное восстановление порядка: сеявший исключительно одну злобу (в изображении данных авторов) должен был и действительно «злѣ скончалъ» свою жизнь. Отсюда художественно закономерно выглядят финальные строки «Сказания...» – это троекратное проклятие «злонравному» еретику Гришке и его «злокозным умыслам».

Итак, «предостерегающий намек на несчастную судьбу гонителей православия» протопопа Терентия обернулся в реальности предвидением страшной смерти Лжедмитрия I, рассказы о которой обнаруживаются как в русских, так и в иностранных сочинениях первой трети XVII столетия с той разницей, что «иностранныцы описывают виденное (или передают рассказы очевидцев), русские авторы оценивают происшедшее» [27, с. 153].

\* \* \*

Был ли протопоп Терентий одинок в осуждении странного поведения царя? Нет, хорошо известен факт боярской оппозиции во главе с Шуйским, известно благодаря записям иностранцев и мнению простого народа. Но так открыто выступить с обличительно-поучительным посланием (письменным сочинением, а не устной речью!) решился в 1605 г. только протопоп Терентий (по крайней мере других подобных памятников письменности, датированных 1605 г., нам неизвестно). В этом проявились не только смелость обличителя, но и глубоко ответственное отношение к своей

миссии как царского духовника, ибо Терентий, очевидно, хорошо осознавал, что от духовного здоровья царя во многом зависит и духовное здоровье всего государства. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением С. Ф. Платонова, который отнес протопопа Терентия к числу тех сторонников Лжедмитрия I, «которые мягко и дружески подавали самозванцу совет держаться старых правил московской жизни строже, чем он это делал» [20, с. 73]. Не «мягко» и не «дружески» звучал голос Терентия, взволнованного тем, что Самозванец, по выражению священника Феодосия Иванова, отнял «у Церкви основной ее закон жизни – свободу ее действия...» [9, с. 44].

Лжедмитрий I не стерпел обличительного менторства благовещенского протопопа, который ни разу, призывая царя к уважению писаных и неписаных законов бытия московской жизни, не упомянул в послании имена величественных благочестивых предшественников – Ивана IV, его сына Федора Ивановича, – что не осталось незамеченным. И Терентий, вероятно всерьез опасаясь за свою жизнь, пишет второе послание царю, опубликованное как «Приветствие Благовещенского протопопа Терентия Димитрию Самозванцу». Но по форме и содержанию это не приветственное слово, а, как справедливо было отмечено С. Ф. Платоновым [20, с. 73], а затем Г. П. Ениным [6, с. 24], «литературно написанная челобитная», в которой сталкиваются разные стили и приемы организации речи [6, с. 23].

По мнению Г. П. Енина, Терентий в этой челобитной «фактически признает себя виноватым. Уже не уверенный в своей правоте ментор, а перепуганный подданный обращается к царю с униженными заверениями в преданности...» [6, с. 23]. На прямо противоположный смысл второго послания указывал и В. Ульяновский [27, с. 204]. Оба исследователя делают подобный вывод на основе двух фактов. Во-первых, в челобитной Терентий клянется: «...никогда бо твоей царьстѣй власти зла сотворихомъ ни сотворимъ, токмо припадаемъ сокрушеннымъ сердцемъ и со слезами и молимъ всецѣдраго Владыку всегда за твое царское многолѣтное здравіе и завсегда тобою желаемое, яже ти Богъ по-дасть» [2, с. 385], – и слезно просит: «Государь умилосердися, Царь смилуйся, благородне ущедрѣ, благочестиве призри, Богомъ помазание, не забуди, якоже обѣщася, Димитріе Ивановичь, всея Великія Росія Самодержче, пожалуй» [2, с. 385]. Во-вторых, он использует в обращении к царю, по наблюдению В. Ульяновского [27, с. 204], эпитеты, которые чаще всего применялись в древне-

русской книжной традиции по отношению к Христу и святым: «за тебе свѣтлаго Цари», «тебѣ, свѣтиломъ Рускимъ» [2, с. 385] и др.

Однако и использованные эпитеты, и витийственные обращения к царю в стиле «плетения словес» (например: «Радуемся убо и веселимся мы недостойнии, видяще тебе свѣтлаго храборника, благочестиваго Царя, благороднаго Государя, Богомъ возлюбленнаго Великого Князя и святымъ елеомъ помазаннаго Димитрея Ивановича, всеа Русіи Самодержца и обладателя многихъ государствъ, крѣпкаго хранителя и поборника святыя православныя вѣры христіанскія, твердаго адаманта, рачителя и красителя Христовѣ церкви...» [2, с. 385]) представляют собой шаблонные обороты речи, «выдохшиеся и обесцвеченные» [14, с. 64], каковых немало обнаруживается в памятниках древнерусской литературы самых разных жанров, в том числе и в сочинениях о Смуте. Прекрасно знакомый с литературной традицией, протопоп Терентий совершенно осознанно использует хорошо известные, проверенные временем приемы усиления эмоциональности повествования, стремясь добиться помилования. Но сквозь эту добровольно надетую литературную маску униженного просителя (Терентий именует себя в тексте: «недостойнѣ нарицатися смиренный Терентіе <...> грубый во освященницѣхъ» [2, с. 385]) пунктирно проступает иной лик благовещенского протопопа, который предельно лаконично, безапелляционно отчетливо в начале послания обозначает свою позицию: «...призываю и молюся и убѣждаю исповѣдоватися часто Богови и на позорищѣ себе веду: не бо еже открыти челоуѣкомъ согрѣшенія своя, но совѣсть свою разгнути предъ Богомъ, и тому покажу струпы и отъ него лечбы прошу...» [2, с. 383]. Он и не «разгнути» «совесть» предъ Лжедмитрием I, весь дальнейший текст, в отличие от личностной интонации начала, в том числе и мольбы о помиловании, представляет собой талантливо написанную в соответствии с традициями челобитную, в общей интонации и стилистике которой финальные фразы о несотворении зла царской власти отнюдь не звучат как «униженные заверения в преданности» [6, с. 23]. Он действительно, требуя соблюдения Закона от новоизбранного царя, уважения к религиозным и культурно-бытовым традициям, не «сотворил» зла. Более того, он почти открыто предостерегал Лжедмитрия I о последствиях предпочтения иноземцев своим гражданам и их культуры – традициям Московского государства. Наконец, сам просительный характер и тон послания весьма тонко перебивается

иной интонацией, хорошо просматриваемой в самом начале челобитной: «Внегда услышимъ кого, похваляюща нашего преславнаго Царя, разгараемъ любовію ко глаголющему ради яже къ своему владыцѣ любве...» – и тут же: «Сего ради, на всяко время, призываю и молюся и убѣждаю исповѣдоватись часто Богови...» [2, с. 383]. Хваля царя, призываю, и молюсь, и исповедуюсь пред Господом. Это не отказ от прежних убеждений, он по-прежнему ставит «священство» выше «царства»; графаретно прося: «отврати отъ насъ праведный гнѣвъ свой!» [2, с. 385] – призывает уподобиться царя Христу («Христовъ подражателю») и святым («яко же насъ смиренныхъ пощадилъ еси, святымъ подобяся содѣлалъ еси» [2, с. 385]). Ибо «Человѣцы бо и мы стужаемъ си множицею къ намъ плачущихся и рыдающихъ, и отряжаемъ и отрѣваемъ; Богъ же не тако, но приѣмлетъ и привлекаетъ; аще и деньствуемъ своя бѣды, тогда насъ но и паче любить и прекланяется молбамъ нашимъ» [2, с. 384].

Самым значительным и не раз становившимся предметом исследования в отечественной медиевистике произведением протопопа Терентия считается «Повесть о видении некоему мужу духовну», написанная в октябре 1606 г.

По сюжету некоему «мужу духовну», пожелавшему остаться неизвестным, явилось видение: Богородица в присутствии Иоанна Крестителя, «святыхъ пророкъ, и апостолъ, и мученикъ, и святитель, и преподобныхъ, и праведныхъ, ихъ же многихъ святыхъ» трижды молит Сына своего, «сѣдяща на престолѣ» [17, стб. 181], пощадить «родъ крестьянскій» [17, стб. 184], который «раздражилъ» Господа «злобами своими и лукавыми нравами» [17, стб. 182], «окаянными и студными дѣлы» [17, стб. 183]. В ответах Господа Богоматери прочитывается огромный перечень прегрешений московского люда и основная цель страшного испытания – «да накажутся малодушніи и приидутъ въ чюство» [17, стб. 183]. И все же в конце видения Господь дает людям еще один шанс: «Тебе ради Мати моя пощажу ихъ, аще покаются, аще ли же не покаются, то не имамъ милости сотворите надъ ними» [17, стб. 183–184].

Казалось бы, центральная идея всенародного покаяния и объединения общества, находящегося в состоянии гражданской войны, перечисление грехов, частично повторяющее обвинения в адрес Лжедмитрия I, читаемые и в грамотах Василия Шуйского, и в грамотах патриарха Гермогена, и в публицистических произведениях 1606 г., продолжают общую идеологическую линию, если бы не одна фраза, становившаяся не раз предметом обсуж-

дения исследователей этой «Повести», вследствие наблюдаемых в ней в разных списках разночтений: «нѣсть истинны во царѣ(хъ) же и въ патриарсѣ(хъ)»<sup>1</sup>.

Кого имел в виду протопоп Терентий? По мнению П. Васенко [4, с. 266], Е. Кушевой [12, с. 96–97], Н. И. Прокофьева [21, с. 44], упрек, выраженный формой единственного числа, был адресован Василию Шуйскому и патриарху Гермогену. Их точка зрения на основе палеографического объяснения разночтений в указанных списках была опровергнута А. А. Назаревским [15, с. 115–116] и поддержана А. И. Копаневым [11, с. 477–480], Г. П. Ениным [6, с. 26–27], Я. Г. Солодкиным [26, с. 17–21], пришедшими к выводу, что форма единственного числа в сольвычегодском списке появилась в результате ошибки переписчика, и предполагавшими, что «Повесть» была написана по заданию правительства. Еще дальше пошел в своих предположениях В. Ульяновский, оценив «Повесть» как «новую попытку (протопопа Терентия. – О. Т.) обратить на себя внимание власти церковной и духовной через представление очередного сочинения конъюнктурного характера» [27, с. 206].

\* \* \*

### *Предвидение второе – «спасенный» путь к возрождению*

Действительно ли протопоп Терентий помышлял о карьере, когда писал «Повесть о видении мужу духовну»? Кем был «тайнозритель», пожелавший остаться неизвестным? Н. И. Прокофьев полагал, что повествователем мог быть архимандрит Старицкого Успенского монастыря, а впоследствии Троице-Сергиевой Лавры Дионисий [22, с. 48–51]. По мнению Я. Г. Солодкина, «реального повествователя описанное Терентием “чудо” не имело, придворный протопоп облек в форму “божественных” обличений собственные мысли или же идеи, внушенные ему царем и патриархом» [26, с. 22].

Нам представляется сомнительным, что «Повесть» была написана под влиянием чьих-либо идей или носила конъюнктурный характер, поскольку, верный своему нравственному принципу («разгнати» «совесть» лишь пред Богом), протопоп Терентий, наблюдая греховное поведение и «верхов», и «низов», призывал

<sup>1</sup> Форма единственного числа читается только в Строгановском сборнике, составленном в сольвычегодской канцелярии Строгановых до 1624 г. (см.: [26, с. 16]).

всех (без исключения!) к покаянию и единению, стремясь предотвратить в условиях гражданской войны распад страны. Его произведение гениально предугадывало духовно-нравственные потребности народа, «ошеломленного чрезвычайными явлениями самозванщины и междоусобной смуты» [20, с. 60], смущенного «нестроениями» и на уровне «царства» (убийство царевича Дмитрия, чреда неправых царей, начиная с Бориса Годунова), и на уровне «священства» (например, поляки в записках московским боярам в 1608 г. отмечали: «И такъ теперь живыхъ патриарховъ на Москвѣ четыре маєте» (цит. по: [9, с. 88])), и на уровне вынужденных клятвопреступлений простого люда. Оно стало по сути предвестником совершенного 20 февраля 1607 г. в Успенском соборе Московского Кремля уникального в истории русской церкви обряда прощения и разрешения всего народа от клятв, проведенного патриархами Гермогеном и Иовым с освященным собором, имевшего целью не только покаяние, но и единение народа и власти, пробуждение чувства «раскаяния и верности царю хоть на будущее время» [13, с. 12]. В 1607 г. эта попытка нравственного оздоровления общества провалилась, поскольку спустя непродолжительное время большая часть войска Василия Шуйского перешла на сторону И. Болотникова. Но самый принцип, идея всенародного покаяния в грехах, единение путем искреннего очищения, провозглашенные впервые столь отчетливо в «Повести» протопопа Терентия, не исчезли бесследно.

Примечательно, что именно в «Повести о видении некоему мужу духовну», стоящей у истоков трансформации традиционного для древнерусской словесности жанра видения, существовавшего в предшествующей литературной традиции в рамках житий, летописей, воинских и легендарно-исторических повестях, протопоп Терентий разрабатывает новый, приобретающий элементы публицистичности сюжетный стереотип, состоящий из двух сюжетных узлов: прегрешения и покаяния и молитвы, – оказавшийся востребованным в литературной практике спустя время. Памятник был использован при составлении «Нижегородского видения» (июнь–июль 1611 г.) и «Владимирского видения» (август 1611 г.), когда в общественном сознании в условиях иноземной интервенции созрела патриотическая идея единения всего народа, всех слоев общества для освобождения страны.

Во всех трех видениях центральным мотивом является мотив всенародного покаяния. И это отнюдь не случайно. Все они появляются в сложные, критические моменты истории. Видение «не-

коему мужу духовну» написано в октябре 1606 г. «Выкрикнутый» на царство Василий Шуйский, непрочно утвердившийся на русском престоле, рассылает по стране грамоты с разъяснениями, что убитый 17 мая 1606 г. царь – не сын Ивана Грозного, а «прямой воръ» Гришка Отрепьев, который «Московское государство хотѣлъ до основанія разорити, и крестьянскую вѣру поправить, и церкви разорити, а костелы Римскіе устроить...»<sup>1</sup>. В поддержку нового царя появляется целый ряд публицистических произведений, «толковавших происходившие события в самом благоприятном для него (Василия Шуйского. – О. Т.) освещении» [12, с. 95], среди них – «Сказание о Гришке Отрепьеве», «Новая повесть» и др., которые «сливались в согласный хор, на все лады повторяя похвалы Шуйскому, как “мужу праведну и благочестиву”, “первострадальцу” <...> “истинному заступнику и пастырю словесным овцам своим, а не наемнику”, и т. д. с рядом вариантов» [12, с. 95]. Среди народа зреет недовольство боярским правительством В. Шуйского, которое вылилось в восстание под предводительством И. Болотникова, войско которого в начале октября 1606 г. осадило Москву.

В еще более трагический момент русской истории были даны видения в Нижнем Новгороде «человѣку благочестиву, именемъ Григорью» (май 1611 г.) и во Владимире некоей Мелании, жене Бориса Мясника (август 1611 г.). Москва, с согласия боярского правительства, оказалась во власти поляков, патриарх Гермоген, призывавший народ к освобождению «царствующего» града от врагов, был низложен и заточен в Чудовом монастыре, русский престол пытался захватить король Сигизмунд III. Фактически видения появляются в тот момент, когда «самостоятельного и независимого Российского государства <...> уже не существовало» [13].

Все видения содержат сходные сюжетные элементы, характерные в целом для жанра видения в древнерусской литературе [21, с. 40]. Каждый из этих элементов по-своему отражает основной мотив повестей – призыв к всенародному нравственному покаянию.

Во всех памятниках прослеживается определенная, повторяющаяся логика покаянного процесса, заданная уже в «Повести...» протопопа Терентия. По словам священника Дмитрия Юревича, «Первым логическим этапом покаяния является раскаяние – т. е. осознание человеком (или даже общностью людей) порочности

<sup>1</sup> Царская грамота в Пермь Великую... 6 июня 1606 г. См.: [2, с. 107, № 48].

своего образа жизни, видение грехов как конкретных нарушений заповедей Божиих..." [5]. Мотив осознания греховности многогранно представлен во всех рассматриваемых видениях. Экспозиционная часть «Повести о видении некоему мужу духовну» практически повторяются во вводном повествовании к «Повестям о чудесных видениях в Нижнем Новгороде и Владимире»: одинаковые отрицательные эпитеты «нынѣшнему роду лукавому и непокоривому», общее указание на уклонение от исполнения Божьих заповедей и, как следствие, от милости Господней, многоликость греха характеризуют духовно-нравственное состояние общества и объясняют появление в начале повествования мотива полезности знакомства с повестями.

Практически все «тайнозрители», будучи людьми благочестивыми, осознают бедствия Русской земли как следствие греховности. О многих грехах рода человеческого свидетельствуют и высшие силы. В «Повести о видении некоему мужу духовну» Богородица в присутствии целого сонма святых трижды молит Сына своего пощадить «родъ крестьянскій» [17, стб. 184], который «раздражил» Господа «злобами своими и лукавыми нравами» [17, стб. 182], «окаянными и студными дѣлы» [17, стб. 183]. В ответах Господа Богоматери прочитывается огромный перечень прегрешений московского люда и основная цель страшного испытания – «да накажутся малодушнии и приидуть въ чюство» [17, стб. 183]. В нижегородском и владимирском видениях нет пространных перечней, но, как и в видении «мужу духовну», мотив греха напрямую связан с мотивом праведного гнева Божия: «отврати отъ нихъ праведный гнѣвъ свой», – молит умильным гласом Богородица Сына «вселюбезного» в повести протопопа Терентия; если покаются, «отвращу отъ нихъ праведный гнѣвъ свой», – обещает Господь в нижегородском видении; исповедуй, – говорит жена в светлых ризах Мелании, – миру о необходимости покаяния, и тогда Господь «отвратитъ праведный гнѣвъ свой». Вне зависимости от способа указания на греховность людей во всех видениях так или иначе звучит мысль о необходимости осознать порочность подобного поведения, которая ведет к преданию и отдельных городов и, шире, всей земли врагу. Историософия такой трактовки бед, происходящих в Русской земле, восходит к Ветхому Завету, не говоря уже о многовековой литературной традиции, ведущей свое начало от «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. В частности, «Книга Судей описывает цикл, который многократно повторялся в домонархический период исто-

рии Израиля: отпадение народа от Бога – тяжелые многолетние бедствия как наказание Божие к вразумлению – покаяние народа и призыв к Богу о помощи – освобождение через судию – и многолетнее благоденствие, сочетающееся с богопочтением» [5]. В рассматриваемых видениях хорошо просматривается тесная взаимосвязь первых двух этапов цикла.

Во всех видениях именно высшие силы указывают способ изытии бед и очищения от греха. В финале видения «мужу духовну» мы узнаем, что Господь дает людям еще один шанс: «Тебе ради Мати моя пощажу ихъ, аще покаются...» [17, стб. 183]. О формах покаяния не сказано ни слова. А сама центральная идея всенародного покаяния и объединения общества, находящегося в состоянии гражданской войны, перечисление грехов, частично повторяющее обвинения в адрес Лжедмитрия I, читаемые в грамотах В. Шуйского и патриарха Гермогена, в публицистических произведениях 1606 г., продолжают общую идеологическую линию, прослеживаемую в ряде памятников этого периода. Но в том-то и дело, что протопоп Терентий, наблюдая греховное поведение и «верхов», и «низов», призывал всех (без исключения!) к покаянию и единению, стремясь предотвратить в условиях гражданской войны распад страны. Его произведение стало предвестником совершенного 20 февраля 1607 г. в Успенском соборе Московского Кремля уникального в истории русской церкви обряда прощения и разрешения всего народа от клятв, проведенного патриархами Гермогеном и Иовым с освященным собором, имевшего целью не только покаяние, но и единение народа и власти, пробуждение чувства «раскаяния и верности царю хоть на будущее время» [13, с. 12]. В 1607 г. эта попытка нравственного оздоровления общества провалилась: спустя непродолжительное время большая часть войска Василия Шуйского перешла на сторону И. Болотникова. Но сама идея всенародного покаяния в грехах, единения путем искреннего очищения, провозглашенная впервые в «Повести» протопопа Терентия, не исчезла бесследно, как не исчезла и объявленная официальными властями форма всенародного покаяния: общенародный многодневный покаянный пост и соборование.

Таким образом, «второй этап покаяния» («обращение к Богу с просьбой о помиловании и прощении») и третий этап – «исповедание, при котором кающийся прибегает к различным формам выражения своего раскаяния», – не привели в 1606–1607 гг. к закономерному «этапу очищения», т. е. таинственному воздействию

«благодати Божией на кающагося, при котором Бог исцеляет пораженную грехом природу, прощает грехи и дарует силы для делания добрых дел» [5]. Не привели потому, что все действия были «активированы» сверху, это было еще только «неоткристаллизовавшееся представление, которое спустя пять лет нашло свое окончательное выражение в организации земских ополчений» [21, с. 44], а не истинное покаяние народа, совершаемое «с безмерной сердечной искренностью» [19].

В этом смысле появление нижегородского и владимирского видений, составленных на основе видения «мужу духовну», когда в общественном сознании в условиях иноземной интервенции созрела патриотическая идея единения всего народа, всех слоев общества для освобождения страны, закономерно. И не случайно именно в этих видениях существенное внимание уделяется формам покаяния. Если в видении «некоему мужу духовну» звучит общий призыв покаяться, то во владимирском и нижегородском видениях мотив покаяния конкретизируется путем указания на приемлемую форму: «Человѣче, проповѣждь по градѣ семъ, чтобъ приняли постъ и молитву съ покаяніемъ. <...> Да аще будетъ покаются что и вѣроуютъ всего сердца своего во всѣхъ грѣсѣхъ своихъ, и постятся, и молятся Богу три дня и три нощи неумолчно и не ядуще, не піюще, старья и младае дѣти...» [17, стб. 237]; «...исповѣдай <...> чтобъ постилися и молилися со слезами...» [17, стб. 241]. Внутреннее раскаяние каждого представителя народа как необходимый элемент искреннего покаяния рассматривается как важнейшее условие для прощения Богом, самый факт, что Господь говорит с «тайнозрителем» в нижегородском видении в образе крылатой птицы, расположившись на его груди, свидетельствует о том, что внутренняя чистота делает внешнее покаяние в форме строгого поста и молитв осмысленным (аналогичным образом прочитывается и указание на необходимость молиться со слезами во владимирском видении) и приводит к последнему этапу – «укоренению в добродетели», т. е. «предполагает уклонение раскаявшегося человека от прежних злых дел и делание противоположных дел добра» [5]. Первое «дело добра» тоже было заповедано в явленном видении – это построение храма в Москве, куда следовало перенести икону Владимирской Божией Матери.

И нижегородское, и владимирское видение получили широкий общественный резонанс, отразив вполне определенные патриотические настроения всего народа, осознавшего необходи-

мость внутреннего и внешнего покаяния. Они были восприняты как прямое руководство к действию: тексты видений распространились вместе с грамотами-воззваниями, и их широкое хождение в земском ополчении, приятие идей и их добровольная, а не инициированная сверху реализация привели к страстно желаемому катарсису – освобождению Москвы, а в дальнейшем и всей Русской земли от врагов, а также к обретению царя, угодного Богу и людям. В этом смысле искреннее покаяние всего народа обусловило и кардинальные перемены в жизни страны.

\* \* \*

Итак, кем был протопоп Терентий, протоиерей Благовещенского собора Московского Кремля и при Лжедмитрии I, и при Василии Шуйском? На наш взгляд, он был одним из талантливых писателей и деятелей эпохи Смутного времени, предугадавшим не только трагический исход жизни Лжедмитрия I, не услышавшего голос провидца, но и религиозно-символическую трактовку убийства Самозванца в русских источниках о Смутном времени: неуважение законов и обычаев Московского государства, «неправые» деяния по отношению к православным, и инокам, и мирянам. Он явился зачинателем новой сюжетной разновидности публицистических видений. По сути, предугадал в эпоху «нестроений» еще не осознаваемые отчетливо в 1606 г. духовно-нравственные потребности народа в покаянии, очищении и мире, предугадал единственно возможный путь выхода из трагических обстоятельств эпохи. И, таким образом, сыграл не последнюю роль, хоть и опосредованно, в зарождающемся победном возрождении народа и русской государственности, что нашло выражение спустя время, в 1611–1612 гг.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, относящиеся к истории Западной России. – СПб., 1851. Т. 4: 1588–1632. – 584 с.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. – СПб., 1836. Т. 2. – 417 с.
3. *Бер М.* Летопись Московская, с 1584 года по 1612 // Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. I. – СПб., 1831. – С. 11–143.

4. Васенко П. Заметки к статьям о Смуте, включенным в Хронограф редакции 1617 года // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. – Пб., 1922. – С. 240–269.
5. Дмитрий Юревич, свящ. Библейские основания Таинства Покаяния // V Международная богословская конференция Русской православной церкви «Православное учение о церковных таинствах. Москва, 13–16 ноября 2007. URL: [http://azbyka.ru/tserkov/duhovnaya\\_zhizn/sem\\_tserkovnyh\\_tainstv/pokayanie2/pokayanie1-all.shtml](http://azbyka.ru/tserkov/duhovnaya_zhizn/sem_tserkovnyh_tainstv/pokayanie2/pokayanie1-all.shtml) (дата обращения: 11.06.2015).
6. Енин Г. П. Писатель начала XVII в. протопоп Терентий и его сочинения о смуте в рукописях Публичной библиотеки // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. – Л., 1988. – С. 18–30.
7. Еремин И. П., Комарович В. Л., Шамбинаго С. К. Литература 1590–1612 гг. // История русской литературы: в 10 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. II, ч. 2. – С. 28–44.
8. Забелин И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. – М.: Тип. В. Ф. Рихтер, 1888. – 336 с.
9. Иванов Ф., свящ. Церковь в эпоху Смутного времени на Руси. Типо-литография Губернского правления, 1906. – 292 с.
10. Карамзин Н. М. История государства Российского. – Калуга: Золотая аллея, 1997. Т. IX–XII. – 590 с.
11. Копанев А. И. Новые списки «Повести о видении некоему мужу духовному» // ТОДРЛ. – М.; Л., 1960. Т. 16. – С. 477–480.
12. Кушева Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени XVII века // Учен. записки Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 1926. Т. V. – С. 21–97.
13. Могилев М. С. Русское духовенство в Смутное время. – Петрозаводск, 1905. – 20 с.
14. Назаревский А. А. О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века. – Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1961. – 80 с.
15. Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. – Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1958. – 184 с.
16. О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса. Петр Петрей. – М.: Фонд Сергея Дубова. Рита-Принт, 1997. – 566 с.

17. Памятники древней русской письменности, относящиеся в Смутному времени. – СПб., 1891. РИБ. Т. 13. 982 стб.
18. Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков / вступ. ст. Д. Лихачева; сост. и общая ред. Л. Дмитриева и Д. Лихачева. – М.: Худож. лит., 1987. – 616 с.
19. *Перевезенцев С. В.* Уроки Смуты: народ и вера. URL: <http://www.pravmir.ru/uroki-smuty-narod-i-vera/> (дата обращения: 15.02.2015).
20. *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник. 2 изд. – СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913. – 474 с.
21. *Прокофьев Н. И.* Видение как жанр в древнерусской литературе // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. Вопросы стиля художественной литературы. – М., 1984. Т. 231. – С. 35–56.
22. *Прокофьев Н. И.* Образ повествователя в жанре «видений» литературы Древней Руси // Учен. записки МГПИ имени В. И. Ленина. Очерки по истории русской литературы. – М., 1967. Т. 256. – С. 48–51.
23. Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. – Смоленск: Русич, 2003. – 496 с.
24. Записки гетмана Жолкевского о московской войне. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1871. – 130 с., 306 стб.
25. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. Кн. IV (тома 7–8).
26. *Солодкин Я. Г.* К истории Повести о видении некоему мужу духовну // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 14–24.
27. *Ульяновский В.* Смутное время. – М.: Изд-во «Европа», 2006. – 448 с.
28. Хроники Смутного времени / Конрад Буссов. Арсений Елассонский. Элиас Геркман. «Новый летописец». – М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. – 608 с.

*Об авторе / About author*

**Ольга Александровна Туфанова** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: tufoa@mail.ru

**Olga A. Tufanova** – PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 а, 121069 Moscow, Russia. E-mail: tufoa@mail.ru